

Когда Ли Чжи вернулся из-за пределов класса, первая половина вечерней самоподготовки уже миновала.

Задняя дверь бесшумно приотворилась и мягко закрылась.

Он шел очень тихо, едва потревожив кого-либо. Лишь когда он прошел мимо меня, подняв легкий поток воздуха, я очнулся от состояния оцепенения, в котором таращился на учебник китайского языка.

Он даже не взглянул на меня, сразу же сел и, словно сбросив какой-то тяжелый груз, всем весом снова опустился на стул.

Он казался полностью истощенным — медленно, почти без сил опустился на крышку парты, повернув лицо к окну. Весь этот процесс был плавным, текучим, словно облака и вода, и исполнен молчания, граничащего с ритуалом.

Сидевшая впереди Ли Юань, судя по всему, услышала движение: ее плечи едва заметно качнулись, но она не обернулась.

Тишина в классе от возвращения Ли Чжи стала еще более глубокой.

Слышался лишь шелест кончиков ручек о бумагу — словно тутовые шелкопряды объедали листья шелковицы, густой и непрерывный.

Я украдкой взглянул в сторону: дыхание Ли Чжи было ровным и размеренным, он явно крепко спал. Его ресницы отбрасывали крошечные тени на самые веки, а линии переносицы в тусклом свете, проникающем из окна, казались четкими и хрупкими.

Я отвел взгляд, чувствуя, как в груди словно застрял пропитанный водой ватный комок — тяжело и тоскливо.

Раскрытый передо мной обязательный учебник по китайскому языку по-прежнему был открыт на десятой странице.

Нельзя спать. — сказал я себе.

По крайней мере, не так, как он — стоит уснуть, и проспишь три урока.

Я изо всех сил попытался сосредоточиться, силясь вглядеться в следующий иероглиф.

Но эти напечатанные шрифтом Сун иероглифы напоминали стайку непокорных черных

муравьев, которые ползали туда-сюда по бумаге и наотрез отказывались чинно и мирно забираться мне в голову.

Мои веки становились все тяжелее, а зрение — все туманнее. В голове, словно калейдоскоп, проносились обрывочные картины: руки отца, считающие деньги, покрасневшие глаза матери, холодный механический голос в телефоне со звонками кредиторов и та комната, забитая рисовым зерном и душная до удушья...

Сонливость, подобно теплему приливу, окончательно поглотила меня.

В этот самый момент прозвучал пронзительный звонок с урока, прорезав тишину класса.

— Свободны! — Ли Юань пружиной подскочила со своего места, развернулась, постучала по моей парте и протянула руку, толкнув Ли Чжи в плечо: — Проснись, проснись! Пошли в общежитие! Ужасно спать хочется!

Я суетливо сел, машинально вытерев уголок рта.

К счастью, мне хватило ума подложить перед сном бумажную салфетку; сейчас небольшой ее кусочек намок, покрытый множеством медвежьих узоров, и липко приклеился к щеке, но учебник хотя бы остался чистым.

Я торопливо скомкал салфетку, засунул ее в мусорный пакет у ножки парты, а лицо мое сильно горело.

Ее голос звучал немного хрипло, под глазами легли бледные тени — очевидно, вечерняя учеба далась ей нелегко, но сейчас бодрость духа к ней вернулась.

Я в спешке и суматохе принялся собирать ранец.

Подняв голову и оглядевшись вокруг, я заметил, что многие методично записывают в сумки по несколько справочников или сборников заданий.

Похоже, после окончания вечерней самоподготовки настоящая битва только начнется — уже в общежитии. Меня тут же охватили неуверенность и чувство срочности.

Нельзя возвращаться с пустыми руками. По крайней мере, нужно создать видимость.

Я наугад вытащил из возвышавшейся на парте «книжной горы» несколько томов — даже не успел посмотреть, по какому они предмету, просто ориентируясь на то, какой толще и какой выглядит более «усердным».

Взглянув на Ли Чжи и Ли Юань, я понял, что они уже полностью собрались.

Ли Чжи вообще ничего с собой не взял, а Ли Юань набросила на плечо лишь миниатюрную холщовую сумочку.

— Мы пошли, до завтра! — бросила мне Ли Юань.

— Угу, — кивнул я.

— Ты в каком общежитии? — неожиданно спросила Ли Юань.

— В Первом северном, то, что ближе к баскетбольной площадке.

— О, в седьмом корпусе! Значит, нам не по пути.

Они шли друг за другом, легким шагом вышли через заднюю дверь класса и быстро затерялись в потоке людей, хлынувшем в коридор.

Я поплелся следом за толпой, словно оторванный от ветки листок, уносимый потоком.

Путь от учебного корпуса до общежития был недолгим, но предстояло пересечь половину спортивной площадки и небольшой сад.

Ночной кампус был очень тихим, слышались лишь шаги да редкие тихие разговоры. Свет уличных фонарей был тусклым и желтоватым, вытягивая в тени усталые фигуры.

Рядом с баскетбольной площадкой находился Первый северный район, седьмой корпус — мое серо-пыльное общежитие.

Поднявшись на шестой этаж, я толкнул дверь комнаты 604 — внутри никого не было, горел мертвенно-бледный свет.

Я вернулся первым.

Нахлынуло странное чувство разочарования и растерянности.

Я с глухим стуком бросил тяжелый ранец на свою койку и какое-то время просидел на стуле, глядя в пустоту.

В комнате было очень чисто, но неуютно: остальные семь кроватей пустовали, а на столах не

было лишних вещей.

В воздухе висел слабый запах пыли вперемешку с хлоркой.

Нужно хоть чем-то заняться.

Взяв таз и полотенце, я направился в общую умывальную в конце этажа.

В умывальной толпилось много людей, ряд нержавеющей кранов тускло поблескивал на свету.

Я набрал немного холодной воды, смешал ее с теплой, струившейся из трубы с горячей водой, и погрузил лицо в полотенце. Теплый пар на время разогнал усталость и растерянность.

Умывшись, я доверху наполнил термос горячей кипяченой водой и отнес его обратно в комнату.

Сняв обувь и носки, я опустил ноги в таз с заготовленной теплой водой.

Обжигающее тепло поплыло от ступней кверху, щекоча онемевшие нервы и принося комфорт, граничащий с болью.

Я не удержался и тихонько вздохнул, прислонившись к каркасу кровати и закрыв глаза.

В этот самый момент дверь комнаты распахнулась.

— Ого! Уже паритесь? Как поживаете! — раздался громкий голос с сильным провинциальным акцентом.

Подняв голову, я увидел входящего плотного парня с короткой стрижкой под ежик.

Смуглокожий, с лучезарной улыбкой на лице, он прижимал к груди баскетбольный мяч, а от его тела еще поднимался жар — судя по всему, он только что занимался спортом. Должно быть, один из моих соседей по комнате.

— Да... немного устал, — я смущенно поджал ноги.

— Устал — значит, все правильно! Это же только первый день! Меня зовут Чэнь Сяолэй. — Чэнь Сяолэй закинул мяч под свою кровать и плюхнулся на нижнюю койку напротив. — Говорю тебе, дальше устанешь еще больше! В прошлом году мой дядя тоже здесь пересдавал экзамены, черт побери, с него едва шкуру не содрали!

— Твой дядя в прошлом году тоже здесь учился? — удивился я.

— Ага! Дядя не поступил, не хватило пары баллов, не смирился и приехал сюда, — простодушно ответил Чэнь Сяолэй без тени уныния в голосе. — В этом году прошел в университет науки и технологии, это проект 211. Кстати, тебя же зовут Юй Цзиму, верно? Я знаю, сегодня видел тебя у входа, у тебя очень редкое имя. Какой Цзи? Какой му? Из какой школы? С каким баллом пришел?

Его вопросы были прямыми и естественными, но у меня они вызвали приступ неловкости.

— Да... из уездной третьей школы. Балл... не очень высокий. Цзи из Цзинаня, му — дерево, — невнятно ответил я.

— Ой! Оказывается, это тот Цзиму, а я-то думал, как «строительные блоки». Да кто сюда с высокими баллами приходит? У кого баллы высокие, те с утра пораньше в университеты уехали! — Чэнь Сяолэй беспечно махнул рукой. — Старайся как следует, за год все что угодно возможно! Знаешь, у нас в общежитии в прошлом году жил один парень — только-только перешагнул планку первого бакалавра, а в итоге зубами выгрыз себе место в девяносто пятом вузе! Круто!

Пока он говорил, дверь снова открылась, и в комнату вошел другой сосед.

В очках, высокий и худощавый, он прижимал к груди несколько книг со стопкой черновиков и нелс пакет с ужином. Выглядел он гораздо более тихим и интеллигентным.

— Вернулся? — кивнул он Чэнь Сяолою, затем перевел взгляд на меня и вежливо улыбнулся: — Ноги паришь? Отлично, снимает усталость.

— Угу, — кивнул я.

— Эй, Чжао Чжао, это наш последний сосед, товарищ Цзиму, — подбежал к нему Чэнь Сяолэй.

— А? Дай взглянуть! Сегодня староста несколько раз специально бегал его искать, — Чэнь Сяолэй тоже приблизился к столу Чжао Чжао.

Я молча парил ноги, слушая их оживленный и увлеченный разговор, и наблюдал, как клубы белого пара поднимаются от горячей воды.